

УДК 930.1

А.С. Табачков

Историческое прошлое: теоретическое объяснение или интерпретативная репрезентация?

В настоящее время существует определенное противоборство между двумя способами познания исторического прошлого, а именно: между интерпретативным воспроизведением опыта прошлого и теоретическим объяснением событий истории. Гипотеза, лежащая в основе данной работы, такова: за вышеназванной альтернативой лежит противостояние метафизической и позитивистской метатеоретических парадигм. Экспликация несамостоятельности последней применительно к области знания об историческом прошлом и является главной целью этой статьи.

Многие проекты метатеоретического осмысления исторической науки не учитывали такого важного обстоятельства, как постоянный рост креативного, воссоздающего потенциала производимых в этой сфере знания дискурсов. Так, еще пессимизм И. Дройзена («Но всегда, каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим») [1] и предлагаемое им «сравнение с картографическим изображением» [1] предполагают лишь некую имманентно привативную и редуцирующую репродукцию, а не становящуюся в настоящее время все более характерной творческую реинтеграцию прошлого в актуальный культурный опыт, его ре-экзистенциализацию.

Экзистенциально воспринятое историческое прошлое – это прошлое, ставшее *наравне* с лично прожитым. В этом случае задача историка заключается в создании такого дискурса-репрезентации, рецепция которого по силе своего воздействия будет сродни личному опыту¹. Подобные дискурсы продуцируются творческим усилием авторов, обладающих тем, что Х.-Г. Гадамер удачно обозначил как «действенно-историческое сознание», которое, по его же словам, «скорее бытие, чем сознание» [2]. И такая историческая работа суть не что иное, как *анимация* событий прошлого, производимое посредством креативной интерпретации двойное – как ре-экзистенциализация и реинкультурация – возвращение его в класс бытийствующих актуальностей индивидуального и общественного сознания современности.

Появлению такого типа интерпретативного взаимодействия с прошедшим способствовали, помимо, разумеется, общего прогресса культуры, многолетние методологические усилия. И в их числе, в первую очередь, нужно упомянуть сформулированную Л. фон Ранке императивную цель работы историка,

¹ Для чего любому автору приходится должным образом справляться и с чисто литературно-художественными задачами.

заключавшуюся, по его мнению, в беспристрастном показе того, «как оно, собственно, было». С точки зрения метатеоретического анализа, эта максима является, в сущности, достаточно странным преломлением позитивистского идеала познания и, помимо этого, содержит в себе явный онтологический просчет: «оно» ведь именно «было» – даже удачно извлеченное и сохраненное в дискурсе прошлое не приживется в актуальной ситуации культуры; в своем аутентичном виде элемент ушедшего закономерно не нужен настоящему – будущему.

Интерпретативная анимация – это естественный акт интенциональности высокоразвитого сознания, эмпатическое прикосновение к событию прошлого. Но это прикосновение – прикосновение Мидаса: иное прошлого оно неизбежно превращает в «золото» современности, производит обмен в имеющиеся сейчас смысловые единицы. Само по себе дискурсивное анимирование прошлого – это, безусловно, одно из интереснейших достижений человеческой креативности. Но интерпретативная анимация является проявлением духовной способности эмпатического понимания, но не теоретического познания. Она, как и искусство, не обладает потенцией логической идеации и последующей идеализации и инструментализации ставших ее объектами элементов реальности. Присваивающее прикосновение интерпретативной репрезентации делает событие истории актуальной позитивностью современного ее автору культурного процесса. Так происходит ретроспективная экспансия современной культуры, мощное и все растущее здание которой нуждается в постоянном укреплении своего нарративного исторического фундамента, нуждается в реальной или мнимой укорененности в прошлом.

Но для того, чтобы быть объективным, такой интерпретативно-анимационный способ требует непредвзятого воспроизведения максимально возможной полноты экзистенциального опыта, по крайней мере, типичных участников описываемых событий.

Однако в массовом обществе такого рода объективная история опыта – в чистом, не адаптированном, виде – может быть адекватно воспринята лишь узким кругом интеллектуальной элиты. Обитатель мира массовой культуры пока защищен явно превышающим его скромные возможности восприятия уровнем подобных дискурсов. Но если удастся, посредством неких удачных адаптаций (использующих, например, язык кинематографа), сделать вновь актуализированное анимирующей интерпретацией прошлое доступным для среднего реципиента, воспитанного и живущего в стандартах этой разновидности культуры, то это будет весьма рискованным для социума предприятием. Прометеевские интенции поделиться – часто страшной, часто обладающей мощной потенцией нигилизма – правдой исторического прошлого со всеми могут вполне привести к разрушению самопонимания среднего человека. Действительная история, история объективного опыта является знанием не для всех. Конечно, анимационная репрезентация прошлого – это, в том числе, одна из высших форм самопознания человека, без которой мы уже не сможем обойтись. Но дискурсы проявленного сконцентрированным креативным эмпатическим усилием прошлого, попав «не в те руки», могут вызвать неожиданные и нежелательные последствия. Историческое наследие вообще – не предмет «всем поровну» дележа, в целостности своей эмпатической, по типу ее восприятия, истины оно доступно лишь избранным. «Только тот, кто строит будущее, имеет право быть судьей прошлого» [3].

Разрушающий мощью своей креативной способности структуры сложившихся псевдоисторических нарративов, преодолевающий ригидность так называемых господствующих точек зрения, способный временами энергией своей эмпатии вообще смять ограничения самой субъект-объектной оппози-

ции историк-аниматор может представить нам дискурсивно-реальные события прошлого, причем, реальные в транскрипции современной, т.е. актуальной культуры понимания, но «нам» – кому? Сколько тех, кто действительно готов к встрече с таким, воскрешенным темпоральной трансгрессией креативности, прошлым? Интерпретативная анимация – это не только способ предъявления дискурсов экзистентно-реального прошлого, но и одновременно способ его вызывания к жизни, к дальнейшей, уже никак не контролируемой автором жизни в культуре. То есть на самом деле такое прошлое гиперреально – сохранив свою самость, оно еще и невольно научено вернувшим его историком жить в культурном времени настоящего, причем жить не как антикварный артефакт, но как актуальная позитивность.

Субстантивированный в истории негативный духовный опыт – алгоритмы неверных решений, заблуждения, порожденные ненавистью или любовью деформации восприятия действительности, просто преступные деяния, наконец, все несовершенство и зло миров прошлого вновь приобретают вследствие применения интерпретативного анимирования актуальный характер, становятся частью *памяти пережитой действительности* реципиента такого дискурса.

При неблагоприятном стечении обстоятельств, если, к примеру, открытие историка произойдет в кризисный момент развития общественного сознания, оживленное его творческим усилием прошлое может привести к чреватым последствиями парадоксам трансемпоральных культурных метаморфоз. Ведь дискурсы интерпретативного анимирования неизбежно разрушают границу прошлого и настоящего, бывшую в менее креативные – или более почтительные к, так сказать, естественному порядку вещей – эпохи почти непреодолимой. Трансгрессии искусно анимированных элементов прошлого, обретших в интерпретативных актах новую потенцию к каузальному взаимодействию с культурой настоящего, могут приводить к самым разным последствиям. Так, анимированный интерпретативными усилиями Ф. Ницше дискурс «благородной античности»² оказался мощным фактором известной трансформации европейского общественного сознания в первой половине XX века. Актуализация ценности героического поступка, деуниверсализация морали, общий пафос противопоставления духовного здоровья античности немощи христианства не могли не спровоцировать фундаментальный реверс всего аксиологического паттерна мировосприятия людей и так уже смущенных предложенным марксизмом концептом истории как последовательности прогрессирующих форм угнетения.

Насколько вообще научна интерпретативно-анимационная историография? Не имеем ли мы здесь дело с «родом современного мифотворчества» [4], с новыми мифами, на этот раз мифами развитой культуры? Соединение вновь актуализированного – при помощи приемов, конгениальных литературно-художественным – опыта со способами понимания современной культуры плюс проекции личного мира автора – такая синкретичность может отчасти свидетельствовать в пользу этой гипотезы. Однако подобная картина характерна, скорее, для не слишком удачного проекта, для несостоявшегося до конца синтеза. Не это видится главным, но то, что мы имеем здесь дело не столько с дискурсами знания о прошлом, сколько с созданными без решающего посредства теории продуктами синтеза хронологически различных элементов культуры. Удачный синтез дает не знание об объекте, но парадоксальным образом возвращает из прошлого сам объект, конечно, не в «физи-

² Дискурсы Ф. Ницше явились, конечно, лишь завершением развернутой еще В. фон Гумбольдтом классицистской атаки на культуру Просвещения. Но именно они обладали огромной потенцией к трансгрессии в сферу непосредственных идеологических практик.

ческой», но оттого никак не менее актуальной дискурсивной его форме. Историк-аниматор как осуществляющий этот поразительный синтез агент культуры принадлежит, скорее, к особой ветви литературного процесса и именно поэтому изначально литературно-критические методы нашли в последние годы широкое применение в теории истории (вспомним хотя бы «тропологию» Х. Уайта).

Можно легко оставить в стороне разного рода намеренные злоупотребления, вроде концентрирования усилий на псевдоаутентичной анимации самых дурных и шокирующих сторон прошлого, манифестирующие, скорее, личные психопатологические особенности некоторых авторов (вроде Л.Р. Ладюри или У. Эко) и их почитателей. Однако вся парадигма подмены объявленного почему-то несостоятельным теоретического подхода к анализу исторического прошлого его интерпретативным анимированием похожа на то, как если бы, к примеру, палеонтологи, эти знатоки естественной истории, вместо того, чем они занимаются на самом деле, принялись бы эмпатически вживаться во внутренний мир своих объектов, *повествовать* о них или (*ad absurdum*) устраивать на своих симпозиумах некие анимационные перформансы, стараясь максимально правдиво, избегая любой «модернизации», репрезентировать животную жизнь прошлого.

Репрезентативное предъяснение не может заменить собой теоретического объяснения. Автор и реципиент исторического дискурса не должны быть связаны ненормальным коммуникативом подмены ожидаемого экспликативного анализа предложением эмпатического инкурса в пусть даже и искусно воссозданный фрагмент мира прошлого. Воспроизведенные и анимированные позитивности интерпретативных дискурсов – это некая постмодернистская инверсия идеала верифицируемого знания: описание точно соответствует описываемому потому, что связано с ним отношением взаимопорождения. Двухнаправленная генетическая связь превращает такой исторический дискурс в симулякр, зеркальная пульсация автореференций которого превращает любую неадекватную этой новой специфике попытку теоретического вмешательства в пародию на саму себя.

Таким образом, интерпретативное анимирование не противостоит, как это принято полагать (см., например, [5]), якобы позитивистскому, в своей сути, теоретическому методу, но само отчасти является переродившимся под влиянием постмодернистской критики наследием гегемонии позитивистского мышления.

Разница между тем, что получено посредством традиции, и тем, что, в свою очередь, передано будущему, является содержанием развития культуры. Переоценка значимости прошлого и, тем более, искусственная актуализация его на самом деле уже сыгравших свою роль позитивностей, может уменьшать эту фундаментальную разницу или даже сделать итог в целом отрицательным. Странные артефакты дискурсивно анимированного прошлого, этого вновь пришедшего прошедшего, и возникающие по их вине парадоксы нарушенного течения времени культуры порождают нечто худшее, чем просто регресс, который, ведь, может быть просто результатом случайного стечения обстоятельств. Перепроживание минувшего – это сознательный отказ от онтологически естественного способа построения жизни, исходя из рефлексивного идеала должного будущего и, таким образом, отказ от проективного критического мышления вообще. За чрезмерным вниманием к прошлому обычно скрывается творческое бессилие в отношении будущего. Стоит помнить, что «заветы прошлого суть всегда изречения оракула: только в качестве строителей будущего и знатоков настоящего вы поймете их» [3, с. 66].

Не стоит ни переоценивать, ни недооценивать значение интерпретативно представленных позитивностей исторического прошлого. Креативность, дар

негативного и проективная интенциональность связывают человека, прежде всего, с им же задумываемым и осуществляемым будущим, в этом специфичном человеку способе соотнесенности с событийной темпоральностью мира проявляется онтология его имманентной свободы. А для построения будущего – исходя из свободы – приоритетное значение имеет теоретически осмысленное прошлое. Но это осмысление, по-видимому, отныне будет осуществляться не в отношении удобных для теоретизации нарративов или конструктивистских моделей, но в отношении данных нам талантом историков-интерпретаторов дискурсивных реальностей реанимированного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дройзен, И.** Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / И. Дройзен; пер. с нем. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. – С. 494–495.
2. **Гадамер, Х.-Г.** Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 13.
3. **Ницше, Ф.** О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Ф. Ницше; пер. с нем. – Минск: Харвест, 2003. – С. 67.
4. ***Religion and politics in the modern world*** / Ed. P. Merkl, N. Smart. – N. Y. and London: New York University Press, 1985. – P. 19.
5. **Анкерсмит, Ф.Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит; пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 166.

S U M M A R Y

The main problem of this article is a correspondence between two ways of cognition of the historical past, namely: an interpretative reproduction of the experience of the past and a theoretical explanation of historical events. The hypothesis underlying this work is as follows: behind the above-named dilemma lays opposition of metaphysical and positivistic metatheoretical paradigms.

Поступила в редакцию 24.04.2007